

НЕЗАКОНЧЕННЫЙ «ДНЕВНИК ПОЭТА»

Предисловие и публикация В. С. Д р о н о в а

Стихотворный «Дневник поэта» начала 1917 г. занимает в творческом наследии Брюсова особое место. Это не только весьма своеобразное художественное произведение, о котором до настоящего времени знал сравнительно узкий круг литературоведов, но и важный документ, позволяющий полнее прочесть одну из мало изученных страниц биографии поэта, более четко представить его отношение к Февральской буржуазно-демократической революции.

«Дневник» был задуман Брюсовым вскоре после февральского переворота как «годовая повесть», в которой он намеревался осветить свой внутренний мир и вынести на строгий суд совести свои чувства, настроения, сомнения, разобраться в них. Однако характер записей, сделанных поэтом, таков, что многие из них перерастают сугубо личные, «исповедальные» рамки и становятся объективными свидетельствами времени. Рассказывая о самом себе, Брюсов постоянно связывает личное с разворачивающимися вокруг него политическими событиями, дает оценку общественной и культурной жизни послефевральской Москвы, с горькой иронией говорит о своих общественно-политических выступлениях, метко, а порой и зло, характеризует некоторых деятелей литературы, с которыми он сталкивается в эти дни.

Брюсов, как известно, недолго воспевал Февральскую революцию. Встретив крушение царизма приветственным гимном «Освобожденная Россия» и стихотворением «На улицах», где прославляются «зов обновления и свободы» и оживший «державный народ», Брюсов буквально через несколько дней после этого в стихотворении «В мартовские дни» вполне определенно заявляет о своих сомнениях в истинном смысле совершающихся вокруг него событий и преобразований:

Приветствую Свободу... Чего ж еще хотеть?
Но в золотое слово влита, я знаю, медь:
Оно, звуча, не может, как прежде, мне звенеть!

Приветствую Победу... Свершился приговор...
Но, знаю, не окончен веков упорный спор,
И где-то близко рыщет, прикрыв зрачки, Раздор.

«Приветствую Победу» революции и прославляя Свободу, Брюсов в то же время подчеркивал, что не может «безвольно смешаться с этим днем», что «в чувстве углубленном» для него «нет пьяности вина». Это не случайно. Опыт 1905 г., со всей очевидностью раскрывший политическую беспринципность российского буржуазного «стада», и огромная историческая эрудиция подсказывали поэту трезвую оценку «свершившемуся приговору», удерживали его от поспешных выводов, заставляли сомневаться в реальности некоторых лозунгов новой русской революции.

В «Дневнике» эти сомнения Брюсова выражены более откровенно. Весьма самокритично оценивая свое стремление как-то отгородиться от происходящих вокруг событий, он в первой же записи «Дневника» прямо называет многие «высокие и прекрасные» слова тех дней «обманом». Конечно, Брюсов еще некоторое время верил

в возможность мирного развития социальных событий в России, надеялся на слияние всех общественных сил «в один порыв». Но общественно-политическая практика пришедшей к власти буржуазии активно разрушала эти иллюзии. Забвение лозунгов революции, безразличие правящих кругов ко многим насущным проблемам русской социально-экономической и культурной жизни, нежелание и неспособность решать их становились очевиднее с каждым новым днем. Все это не могло проходить мимо Брюсова, не вызывая у него соответствующей реакции. Так родилось чувство все более усиливающегося разочарования, сознание ненужности и одинокости людей творческого труда, людей критически мыслящих на шумном «пире» буржуазного торжества. Отсюда и желание поэта замкнуться в кругу привычных литературных занятий.

Однако, как ни стремился Брюсов встать вне политики, «укловиться» от общественной деятельности, он не мог быть безразличным к будущему родины и невольно, вопреки самому себе, выступал как политик. К этому обязывал Брюсова весь строй его мыслей о России, долг поэта и гражданина, для которого формула «Кинжала» — «Поэт всегда с людьми, когда шумит гроза» — была не просто реминисценцией из Лермонтова, а все более и более утверждающейся нормой общественного бытия. Следствием этого был ряд ярких политических выступлений поэта: стихотворение «Свобода и война», статья «О новом русском гимне», где Брюсов видит новую Россию как свободную федерацию населяющих ее народов, доклад о войне, прочитанный в марте на собрании московских писателей и составивший основу брошюры «Как прекратить войну» (предлагавшей во многом неверное решение вопроса, но злободневной), которая привлекла внимание В. И. Ленина¹.

Касаясь своей политической деятельности и критически оценивая себя как политика, Брюсов в конце марта 1917 г. писал А. Н. Тихонову: «Как ни стою я в стороне от общественной деятельности, все же частично был захвачен ее волнами. Пришлось появляться, говорить, даже читать доклады на разных собраниях, митингах и т. п. Все это еще раз убедило меня, что я создан не для этого, и, кажется, я сумею уклониться совсем, чтобы вполне вернуться к своим книгам и рукописям» (ГБЛ, ф. 386. 72. 44, л. 32). Нужно отметить, что точка зрения Брюсова, высказывавшаяся им по разным вопросам на этих собраниях, далеко не всегда совпадала с мнением других писателей и общественных деятелей. Так, например, газета «Утро России» в статье «Московские писатели и революция» отмечала особую позицию Брюсова в оценке современных событий: «Московские писатели, — сообщил репортер, — вот уже 2 дня совещаются о выработке общей резолюции для общего отклика на совершившиеся события в стране. Первое заседание ограничилось общими дебатами по вопросу момента, вчерашнее заседание было посвящено выслушиванию целого ряда предложенных резолюций и окончилось выбором комиссии для их согласования. Но удалось ли это сделать? Удастся ли настолько обесцветить индивидуальные мнения, например, Н. А. Бердяева, Е. Н. Трубецкого, В. М. Фриче, В. Я. Брюсова, М. Волошина — обесцветить настолько, чтобы получилось общее место, под которым могут подписаться люди различных взглядов и убеждений? И есть ли в этом необходимость?»²

О подобном же отсутствии единства мнений в писательской среде говорится и в «Дневнике». Суммируя там впечатления от дебатов по поводу проекта закона о печати, возникших на совещании представителей московских литературных организаций, Брюсов еще раз заявляет о своем намерении отойти от политической жизни. И причина тому, конечно, более веская, нежели простое расхождение мнений по вопросу о свободе печати или несогласие с точкой зрения, например, Розенберга.

«Дневник поэта» интересен и тем, что очерчивает, пусть далеко не полно, круг людей, с которыми Брюсов в мартовские дни 1917 г. общался как у себя дома, так и в различных организациях Москвы. Причем, упоминание о том или ином лице нередко сопровождается краткой, но меткой характеристикой. Таковы строки «Дневника», посвященные Левшиной, Максимилиану Волошину, Липскерову, ироническое описание «общего собрания» «Свободной эстетики», где парадоксально сочетались фабрикант Гиршман и гимназический учитель Артюшков, а выдающийся искусствовед и художник Игорь Грабарь соседствовал с эстетствующей буржуазной дамой Генриеттой Гиршман. Сатирическое же описание визита Брюсова к московскому градоначальнику

«ПУТЬ ОСВОБОЖДЕНИЯ»

Литературно-художественный
журнал Культурно-просветительного отдела
Московского Совета солдатских
депутатов, № 1, июнь 1917 г.

Вышел при участии Брюсова
Обложка
(гравюра П. В. Кузнецова)

Лидову не оставляет сомнения в истинном отношении поэта к внутренней политике Временного правительства.

Эмоционально-психологическая тональность «Дневника» — минорная. Из записи в записи настойчиво повторяется мысль об упадке таланта, бессмысленности «бесцветных дней» и т. п. Все это свидетельствует о серьезном духовном и творческом кризисе, который переживал Брюсов в дни ломки старого мира, что подтверждается также очевидной слабостью многих стихов, написанных им в это время.

Рукопись «Дневника» обрывается на записи «28 марта». Вероятно, Брюсов по каким-то причинам охладил к замыслу «годовой повести» и прекратил дальнейшее ведение «Дневника». Можно думать, однако, что Брюсов после Октября намерен был вернуться к работе над «Дневником»: основанием для такого предположения служит наличие автографа, написанного уже по новому правописанию.

«Дневник поэта» предполагалось напечатать в сборниках «Звенья», о чем свидетельствует краткая рецензия В. Д. Бонч-Бруевича на рукопись «Дневника», датированная 21 ноября 1931 г. Редактор «Звеньев» писал: «Переданный в «Звенья» Ильей Ионовичем Ионовым³ этот маленький стихотворный дневник Брюсова несомненно очень интересен и дает нам яркую картину настроения поэта от 18 по 28 марта 1917 г. Полагаю, что его надо напечатать в одном из ближайших №№ «Звеньев» (ГБЛ, ф. 369. 54. 58).

Текст «Дневника поэта» печатается по автографу (ЦГАЛИ, ф. 56, оп. 2, ед. хр. 16, л. 1—6). Черновой вариант «Дневника», написанный карандашом по старому правописанию, находится в ГБЛ, ф. 386. 12. 2. л. 1—5 (листы 1, 3 и 5 — на оборотной стороне черновика рукописи статьи Брюсова «Как прекратить войну»). Все даты в «Дневнике» даны по старому стилю.

¹ В. Д. Бонч-Бруевич. Что читал Ленин в 1919 году. — «На литературном посту», 1926, № 2, стр. 18.

² «Утро России», 1917, № 74, 15 марта.

³ Илья Ионович Ионов (Бернштейн, 1887—1942) — поэт и издательский работник. После Октябрьской революции заведовал издательством Петроградского Совета рабочих и красноармейских депутатов, Ленинградским отделением Госиздата, издательством «Земля и Фабрика».

ДНЕВНИК ПОЭТА

18 марта 1917—
18 марта 1918,
если — доживу!

В. Б.

18 марта 1917 г. ¹

Сегодня годовую повесть
Я начинаю. Светит мне
Фонарь неугасимый — совесть,
И жутко при его огне!
Он озаряет ряд бесплодных,
Бесцветных дней, уныло сходных,
Твердивших тупо: «все равно», —
Тех самых дней, когда в окно
Стучались крики толп свободных,
Когда народный океан
Качал слова плакатов красных...
Я знаю, многое обман
В словах высоких и прекрасных,
Но ими те опьянены,
Они мечту встречают в яви,
А я... за днями день лукавей,
Меня в провалы манят сны,
Я забываю все призывы
Заветных грез, любимых дум...
Живу во снах, суров, угрюм,
Полу-живой, полу-счастливый.

18 марта 1917 г.

19 марта

Сегодня — громовой удар
При тусклости туманных далей:
По телефону мне сказали,
Что отравилась Анна Мар ².
Я мало знал ее; случайно
Встречался; мало говорил;
Но издали следить любил
Глубокий взор с тоскливой тайной,
И, кажется, без внешних уз,
Меж нами тайный был союз.
Вели мы, при случайной встрече,
Порой негаданные речи,
И подарила томик свой
Она мне с надписью такой:
«Я вам молилась вместо бога...»
В моей душе — тоска, тревога...
Умеют души уходить;
Зачем же мне бесцельно жить?

20 марта

Писал прилежно целый день
Статью о гимне ³. Вечер; лень;
В окне сырая мгла столицы...

Я перечел свои страницы:
 Все бледно, вяло! Свой талант
 Я умерщвляю; безнадежней
 Спасенье с каждым днем. Я, прежний,
 Пред тем, — что я теперь, — гигант:
 И, кажется, уж еле внятно,
 Все это чувствуют. А я
 Лишь повторяю: «безвозвратно!»
 Где ж воля прежняя моя!

Post scriptum: был вчера у Нелли,
 Вдвоем лежали на постели ⁴;
 Когда душа рвалась в тоске,
 Играл комедию разврата...
 Да хлопотал еще в Кружке ⁵
 По воле Комиссариата ⁶
 И делал вид, что увлечен.
 Противно! Приходи, мой сон!

21 марта, вторник

Еще бездельный день и скучный;
 С бумагой писчей неразлучный,
 Я много исчеркал листов:
 Статья, роман, начало драмы ⁷
 И, как всегда, столбцы стихов...
 Когда же бросишь ты, упрямый,
 Привычку к подбиранию слов! *
 Когда-то это было нужно,
 И нитью, искристо жемчужной,
 Сверкали вереницы строф.
 Теперь стихи твои бесцветны,
 Как в день туманный, в час рассветный
 Гряда не-алых облаков.
 Довольно! — А душа томится
 Ждет и не хочет покориться!

22 марта

Сегодня был прием «заправский»,
 Был Саликовский ⁸ (он стихов
 Просил для «Края» ⁹), был Варшавский ¹⁰,
 Аксенов ¹¹ и Сергей Бобров ¹²,
 Шервинский ¹³ и его товарищ ¹⁴,
 Таиров ¹⁵ и еще два-три...
 О, прах обугленных пожарищ,
 Чуть тлеющий огнем — гори!
 Еще звучат слова приветствий
 Еще кой для кого я — майге...
 К тому ж... (Как это вставить в метр?)
 К тому ж... (О, было б это в детстве!) —
 За сто стихов я получил

* Первоначально было: Привычку радостных годов (ГБЛ).

Сто пятьдесят рублей. Приятно.
Но как то время невозвратно,
Когда, исполнен буйных сил,
Забыв о деньгах, я творил! *

Р. С. (приписка 23 марта)

Вчера не только полтора
Я взял — и двести пятьдесят
От «Центрифуги»...¹⁶ Что ж! Я — рад:
Кладу в карман аванс, и — баста!

23 марта, четверг

В «Эстетике»¹⁷. Пять человек
Пришло на общее собрание;—
Полу-дельцов, полу-калек,
Полу-поэтов... Сочетанье **
Смешное: Гиршман¹⁸ — Артюшков¹⁹,
Жеанп²⁰ — Грабарь²¹, Генриетта²² — Владя²³.
В пять-шесть минут дела улады,
В Кружок я ехать был готов,
Но, мудр, настойчив и непрошен,
Меня в дверях поймал Волошин
(Я, впрочем, сам и звал его...)
С «Верхарнами»...²⁴ Не до того
Мне было. Выслушал поспешно
И убежал, чтоб не внимать,
Как будет тот же Макс читать
Поэму о «пещере грешной»²⁵
(Eadem *** vulva ****), как потом
Расхлябисто плохим стихом
Поэмку Липскеров²⁶ изложит...
Туман — в душе, но все ж не может
Она стерпеть, когда стихи
Суть «блюдо скучной чепухи!»*****

24 марта. Пятница

По воле Комиссариата,
Литературных обществ ряд
Вчера созвал я, и наград
Не ждал, конечно; но расплат
Была жесточе всех расплат!
Не буду вспоминать! Сурово

* В черновом автографе вариант: Я лишь для творчества творил! (ГБЛ).

** В черновом автографе первоначально:

Полу[глушцов]-певцов, полу-калек,
Полу-красавиц, сочетанье (ГБЛ).

*** Там же (лат.).

**** Покров, покрывало; матка (лат.).

***** Первоначально было:

не может

Моя душа терпеть, когда
В стихах у «ближнего» — вода! (ГБЛ).

БРЮСОВ

Фотография, конец 1910-х годов
Мемориальный кабинет Брюсова, Москва

Синклит принципы * все отверг ²⁷.
Громил нас речью Розенберг ²⁸;
Булгаков, секретарь Толстого,
Прославил буйно анархизм ²⁹;
Язвительно вещал Игнатов ³⁰,
И, от «рабочих депутатов»,
N. N. твердил «социализм»...
«Довольно» вновь! К чему бороться!
Не быть мне в роли полководца
Малейшей рати, не играть
Малейшей роли больше... Рать
Моя разбита; о престиже
Моем, что говорить! Все ниже
Я падаю. Не «ко двору»

* Первоначально было: Синклит призывы все отверг (ГБЛ).

Я в наше сумрачное время,
И новое не вспомнит племя,
Кто я такой, когда умру.

25 марта

Составили определенье,
Послали Лидову ³¹ решение:
Я, Юлий Бунин ³², Розенберг,
Довольно, не люблю парерг!*
Отныне я, незримый критик,
От всяких откажусь политик!

26 марта

У Лидова. Градоначальник
Поил учтиво коньяком
И много говорил об том,
Что он, родной Москвы печальник,
От ужасов избавил нас
И от беды столицу спас,
Жандармов во-время припрятав,
Послав на вербный торг солдатом
И к службе возвратив назад
Сысской полиции весь штат.

27 марта

Сегодня — очередь не наша!
Все дальше круговая чаша,
За мигом миг, от наших уст,
А наш бокал — уныл и пуст.
Другие — званые на пире,
И что нужды им в нашей лире!
Друзья! поднимемся тайком,
И с пира шумного уйдем!

28 марта

«На берегу прохладной речки
К полудню улеглись овечки.
Слагая про себя стихи,
Лежат под ивой пастухи»
И ждут, когда же на опушке
Со стадом явятся пастушки.
Идиллия! А вокруг меня
Движенье трудового дня,
И вопит мальчик, подпевая:
«Слух об аресте Николая!» ³³

* От греч. *παρρηγοῦν* — постороннее дело, нечто второстепенное, побочная работа.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ В автографе явная описка: 10 марта.

² Анна Яковлевна *Леншина* (псевдонимы — Анна Мар, Принцесса Грѣза; 1889—1917) — писательница, автор сборников рассказов «Миниатюры» (1906), «Невозможное» (1912), романов «Тебе одному согрешила» (1915), «Женщина на кресте» (1916) и др. О ее смерти см.: «Самоубийство Анны Мар». — «Московский листок», 1917, № 64, 21 марта.

³ Статья «О новом русском гимне (ЦГАЛИ, ф. 56, оп. 2, ед. хр. 61, л. 1—4) завершена Брюсовым 22 марта 1917 г., опубликована в сб. Московского клуба писателей «Ветвь» (М., 1917).

⁴ Эти две строки записаны шифром, цифровой ключ к которому тут же приведен автором.

⁵ Московский литературно-художественный кружок (1898—1920) играл видную роль в культурной жизни дореволюционной Москвы. В 1902 г. Брюсов был избран в состав дирекции, а в 1908 г. — председателем дирекции этого кружка. Поэт говорит здесь о хлопотах по подготовке созывавшегося по «предложению местных властей» совещания представителей московских литературных организаций (см.: «Русские ведомости», 1917, № 71, 30 марта, стр. 2).

⁶ Комиссариат Московского градоначальства, образованный после Февральской революции.

⁷ Статья — вероятно, «О новом русском гимне»; роман — возможно, незаконченный роман из современной жизни (см. его публикацию в наст. томе); название драмы установить не удалось.

⁸ Александр Фомич *Саликовский* — журналист, сотрудник газеты «Приазовский край».

⁹ «Приазовский край» — ежедневная политическая, экономическая и литературная газета, издававшаяся в Ростове-на-Дону (1890—1918). В этой газете 22 апреля 1917 г. было впервые опубликовано стихотворение Брюсова «Свобода и война».

¹⁰ Сергей Иванович *Варшавский* — журналист, сотрудник газеты «Русское слово».

¹¹ Иван Александрович *Аксенов* (1884—1935) — поэт, драматург, переводчик и литературный критик; принимал участие в деятельности группы «Центрифуга», состоял в группе «Московский Парнас»; после Октябрьской революции примыкал к Литературному центру конструктивистов (ЛЦК).

¹² Сергей Павлович *Бобров* (1889—1971) — поэт, прозаик, переводчик, автор ряда исследований в области теории стиха; в юности испытал значительное влияние Брюсова, учеником которого себя считал.

¹³ Сергей Васильевич *Шервинский* (р. 1892) — поэт, переводчик, литературовед; принимал участие в создании брюсовских антологий армянской и латышской литературы; автор воспоминаний «Ранние встречи с Валерием Брюсовым» (*Чтения* 1963).

¹⁴ По предположению С. В. Шервинского, писатель и переводчик Сергей Сергеевич Заяицкий (1893—1930).

¹⁵ Александр Яковлевич *Таиров* (Корнблит, 1885—1950) — театральный деятель, организатор и художественный руководитель Камерного театра; в канун Февральской революции режиссер Свободного театра в Москве.

¹⁶ Брюсов готовил для «Центрифуги» своеобразное издание сочинений Пушкина — книгу, включающую «страницы и строки Пушкина, на которые обычно менее обращала внимания» (*Ашукин*, стр. 346).

¹⁷ Общество свободной эстетики (1906—1917) — литературно-художественное общество, объединявшее представителей различных, преимущественно модернистски настроенных кругов московской творческой интеллигенции и поклонников «нового искусства». В 1914 г. Общество насчитывало 165 действительных членов и около 30 членов-посетителей; Брюсов длительное время был одним из руководителей «Свободной эстетики». См. также наст. том, стр. 401.

¹⁸ Владимир Осипович *Гиршман* (1867—1936) — фабрикант, коллекционер, поклонник модернистского искусства. Характеристика салона Гиршманов дана в воспоминаниях С. И. Дымшиц-Толстой: «Здесь не щеголяли показным богатством, было меньше позолоты и бронзы. Но и тут было ясно: живопись, скульптура, графика — все это демонстрировалось как предметы искусства, но все это являлось эквивалентом хозяйских миллионов. В эти предметы были помещены деньги, они — эти предметы искусства — в любое мгновение могли быть превращены в разменную монету» (сб. «Воспоминания об А. Н. Толстом». М., 1973, стр. 85).

¹⁹ Алексей Владимирович *Артюшков* — преподаватель словесности в гимназии А. С. Алферовой и в других гимназиях Москвы, поэт, переводчик Плавта и других латинских писателей. Автор статьи «Эвфонические работы В. Я. Брюсова» (журн. «Русский язык в школе», 1925, № 8).

²⁰ Иоанна Матвеевна Брюсова.

²¹ Игорь Эммануилович *Грабарь* (1871—1960) — художник, искусствовед; директор Третьяковской галереи (1913—1925).

²² Генриетта Леопольдовна *Гиршман* — жена В. О. Гиршмана. «Мадам Гиршман, — писал о ней А. Белый, — тащила супруга добытое золото лавром венчать; бледно грустная, нервная, почти красавица, юная эта брюнетка питала симпатию к Брюсову, томно рождаясь из дыма фиолетово-жемчужных кисей; энергичным и резким движением приподымала свой веер к точеному носу, бросив в пространство тоскующий взгляд, выражающий муку ее раздвоенной» (*Между двух революций*, стр. 224).

²³ Владислав Фелицанович *Ходасевич* (1886—1939) — поэт, переводчик, критик, литературовед; с 1925 г. в лагере белой эмиграции, где выступал со статьями резко антисоветского характера. Автор тенденциозных воспоминаний о Брюсове («Современные записки», Париж, 1925, № 23).

²⁴ Максимилиан Александрович *Волошин* (Кирпиченко-Волошин, 1878—1932) — поэт, переводчик, художник; сотрудничал в журналах «Весь», «Золотое руно», «Аполлон». О Брюсове писал в статьях: «Эмиль Верхарн и Валерий Брюсов» («Весь», 1907, № 2), «Лики творчества. Валерий Брюсов. Пути и перепутья, т. 1» (газ. «Русь», 1907, № 348, 29 декабря). О взаимоотношениях Брюсова и Волошина см.: В. А. М а м о н т о в. М. А. Волошин и В. Я. Брюсов («Уч. зап. Хабаровского пед. ин-та», т. 31, 1971); В. А. М а н у й л о в. Валерий Брюсов и Максимилиан Волошин (*Чтения 1971*). Здесь речь идет о переводах Волошина из Верхарна. В это время Брюсов готовил для издательства «Парус» собрание сочинений Верхарна, в котором принимал участие и Волошин. 26 марта 1917 г. Брюсов писал А. Н. Тихонову: «... собрал уже довольно много переводов Верхарна — М. Волошина, С. Шервинского и др.» (ГБЛ, ф. 386. 72. 44, л. 32). В 1919 г. в издательстве «Творчество» вышла книга Волошина «Верхарн. (Судьба, творчество, переводы)».

²⁵ Стихотворение Волошина «Пещера» вошло в его книгу «Иверни. Избранные стихотворения», М., «Творчество», 1918.

²⁶ Константин Абрамович *Липскеров* (1889—1954) — поэт, драматург, переводчик, автор сборника стихотворений «Песок и розы» (1916) и др.

²⁷ 25 марта 1917 г. в разделе «Московские вести» газета «Русские ведомости» писала: «Вчера в Литературно-художественном кружке происходило совещание представителей московских литературных организаций». Брюсов представил совещанию доклад, в котором предлагал избрать «Совет из десяти лиц, каковые могли бы взять под свое наблюдение и руководство все операции по надзору за печатью в Москве при помощи уже существующих при градоначальстве учреждений <...> Совет должен будет содействовать их работе

а) по регистрации произведений печати,

б) по наблюдению за правонарушениями, совершаемыми при посредстве печати».

Мотивируя вторую из названных задач, Брюсов изложил свои соображения по вопросу о свободе печати и, в частности, сказал: «Свобода печати, как известно, есть сила не только могущественная, но даже страшная. Ее нельзя сравнить с ломким цветком, требующим защиты: скорее она — отточенное, обоюдоострое лезвие, защищать от которого приходится других, так как оно способно наносить раны глубочайшие и смертельные. Примеры истории учат нас, что пользование свободой печати, особенно в первое время по ее возникновении в стране, нередко ведет к некоторым эксцессам, которые могут рассматриваться как действия, законом караемые. На нашем Совете будет лежать тяжкая обязанность участвовать <...> в определении пределов, за которыми свобода печати переходит в правонарушение» (ГБЛ, ф. 386. 114. 11, л. 1—2).

Предложения Брюсова, очевидно, вызвали серьезные возражения участников совещания. После обсуждения вопроса о положении печати было решено отправить главе Временного правительства кн. Г. Е. Львову ходатайство об издании закона, гарантирующего свободу печати. Подробный отчет об этом собрании был опубликован в «Русских ведомостях» 30 марта.

²⁸ Владимир Александрович *Розенберг* (1860—1932) — журналист, сотрудник газеты «Русские ведомости», автор ряда работ о русской печати и цензуре, в частности книги «Летопись русской печати (1907—1914)», М., 1914.

²⁹ Валентин Федорович *Булгаков* (1886—1966) — писатель и мемуарист; сторонник социально-правственных воззрений Л. Н. Толстого, в 1910 г. его личный секретарь. Автор книги «У Толстого в последний год его жизни» (М., 1911).

³⁰ Илья Николаевич *Игнатов* (1858—1921) — публицист, литературный критик, сотрудник газеты «Русские ведомости»; в ЦГАЛИ (ф. 221, ед. хр. 17) сохранилось 10 писем Брюсова к нему (1908—1917).

³¹ Петр Петрович *Лидов* — московский градоначальник; речь идет, очевидно, о решении собрания представителей московских литературных организаций (см. примеч. 27).

³² Юлий Алексеевич *Бунин* (1858—1921) — журналист, общественно-литературный деятель.

³³ Николай II был арестован 8 марта 1917 г. и первоначально содержался с семьей под домашним арестом в Царском Селе; к концу марта в печати стали появляться сведения об аресте некоторых других членов бывшей императорской фамилии.